

Чу Юй взял неделю отпуска, и автомойка не справлялась с работой, поэтому наняли нового сотрудника. Как только он вернулся, хозяйка Гу Хун, словно ухватившись за спасательный круг, начала тараторить, жалуясь, как новый работник хуже Чу Юя, и зарплату ему мало, и работает нерасторопно, и говорит глупо, всех раздражает.

— Ты даже не представляешь, Сяо Чжу, сколько клиентов мы потеряли за время твоего отсутствия, — сегодня шёл дождь, и Гу Хун попросила Чу Юя убрать в помещении, протереть стойку и разложить товар на полках.

Она наблюдала, как он работает, и болтала:

— Люди приходили специально к тебе, а придут, спросят, а тебя нет, у нас только этот тупоголовый, они сразу же и уходят.

Чу Юй не совсем понял, улыбнулся:

— Что ты говоришь, сестра, что значит «специально ко мне»?

— Именно что специально к тебе, — Гу Хун хлопнула себя по бедру. — А, ты же не любишь TikTok, поэтому не знаешь.

Она вытащила телефон из зарядки и, щёлкая накладными ногтями с рисунком, стала листать, потом перевернула экран к Чу Юю:

— Вот это! Ты не представляешь, эти несколько фотографий набрали кучу просмотров!

Чу Юй наклонил голову и увидел свои фотографии, где он держит кота. Кто-то сделал из них короткое видео с музыкой, наложив фильтр, от которого лицо становилось на несколько тонов белее.

— Что это такое, — Чу Юй сморщился, не зная, как описать. — Получилось так... будто я девчонка какая-то.

— Какая девчонка? — Гу Хун забрала телефон, разглядывала его слева, справа и всё больше восхищалась. — Красавец же! Мне так повезло, сестрички могут только на фото смотреть, а я могу смотреть... — она вдруг протянула руку и ущипнула Чу Юя за щёку, — ...а я ещё и потрогать могу! Хи-хи!

Чу Юй вырвался из её цепких лап и побежал протирать полки:

— Сестра, не приставай ко мне, я работаю!

Вечером, вернувшись домой, он сразу почувствовал вкусный запах еды, которую готовила тётушка Чжоу.

— Тётушка Чжоу! — Чу Юй скинул обувь и подпрыгнул к ней, обнимая. — Когда ты вернулась? Я так по тебе скучал!

— Я после обеда вернулась, — тётушка Чжоу улыбнулась, держа в руке лопатку и глядя на грязные следы от босых ног Чу Юя на белом мраморном полу. — Сяо Чжу, надень тапочки-то.

Сун Цзиньчэнь вышел из кабинета на первом этаже с чашкой кофе, на носу были очки в черепаховой оправе, поэтому зрение у него было лучше, чем обычно. Он сразу заметил красное пятно на лице Чу Юя, возле уха, на линии челюсти.

— Чу Юй, — позвал он.

Чу Юй подскочил к нему.

Он провёл большим пальцем по коже у корня уха Чу Юя и поднёс к носу. Определённо, аромат косметики, скорее всего, помада. Он с большим подозрением взглянул на тётушку Чжоу, но та не похожа, она помаду не использует.

Чу Юй потер лицо ладонью, увидел красное и глупо объяснил:

— А, это... когда уходил с работы, хозяйка обняла меня, наверное, тогда и осталось.

Сун Цзиньчэнь взял бумажную салфетку и тщательно вытер пальцы. Чу Юй вдруг всё понял и придвинулся вплотную.

— Что ты делаешь? — Сун Цзиньчэнь слегка отстранился. — Весь в поту.

Чу Юй продолжал напирать, как тигрёнок, учуявший мясо, готовый зарыться головой в Сун Цзиньчэня.

Сун Цзиньчэнь выставил указательный палец и с лёгкостью, но твёрдо оттолкнул его в лоб:

— Ну?

Чу Юй оскалился в улыбке, вертел головой, упираясь в его палец, густые чёрные ресницы взмахнули, создавая лёгкий ветерок, щекочущий и неуловимый, словно множество приятных поцелуев:

— О чём это ты думаешь?

— Ни о чём.

Тогда Чу Юй обхватил его за шею и звучно чмокнул в губы, причмокивая, потом лизнул языком, словно это было что-то вкусное, пытаясь проникнуть внутрь.

Сун Цзиньчэнь на секунду опешил, потом понял, что тот таким сладким способом его ублажает. Он снял его руки с себя и мягко оттолкнул:

— Отойди, у меня зубы ещё болят.

Затем очень нарочито, без всякого выражения на лице, ушёл.

Как же его трудно умаслить. Все взрослые такие? Чу Юй не мог понять. Раньше, когда его партнёры дулись или ревновали по мелочам, такого «угощения» хватало, чтобы они сразу же оттаяли.

У этого чистюли-старой лисы было отвращение к чужим следам на его теле — раньше это были синяки, теперь вот этот след помады. Чу Юй больше всего ненавидел, когда его контролировали, но когда Сун Цзиньчэнь контролировал такие мелочи, он почему-то чувствовал странную радость. Так размышляя, он решил, что такое поведение Сун Цзиньчэня — проявление сильной заботы о нём, и обрадовался, решив, что надо хорошенько его ублажить. Скорпионы ведь самые злопамятные.

Когда Чу Юй в шестой раз уставился на Сун Цзиньчэня, тот положил палочки.

— Что-то случилось, дорогой?

Чу Юй подпер голову рукой, покачал головой, его глаза скользили по лицу Сун Цзиньчэня:

— В очках ты... очень даже ничего смотришься.

Сун Цзиньчэнь дотронулся до переносицы — всё ещё злился, забыл снять очки. У него была близорукость около двухсот градусов, для долгого чтения нужны были очки. Хоть он и был в отпуске, дела всё равно были. У него была мания контроля, раз уж он не сидит в офисе, то должен просматривать подробные отчёты, собранные специальным человеком. Не любил, когда ему читали вслух, считал это шумом, предпочитал читать сам.

— Прямо как учёный, — вынес вердикт Чу Юй.

Только тогда Сун Цзиньчэнь улыбнулся:

— Я и есть учёный.

Чу Юй уже наелся, чтобы найти повод, наложил себе ещё полмиски риса и сидел здесь, пересчитывая зёрнышки.

— А учился ты хорошо?

— Не было такого, чтобы плохо.

— А на кого учился? — Любопытство Чу Юя полностью проснулось, он забыл первоначальную цель и жестом остановил Сун Цзиньчэня:

— Дай угадаю самому! Знаю, вы, бизнесмены, наверняка учились на финансистов, правильно?

— Угадал наполовину, — Сун Цзиньчэнь поднялся, взяв салфетку, чтобы вытереть уголки рта, собираясь заняться делами. — Сначала я изучал математику, потом перешёл на международные финансы.

— Мой брат тоже любит математику, — говоря о Чу Хуане, Чу Юй стал похож на каждого родителя, любящего похвастаться своим ребёнком. — У него по математике всегда первые места.

— Правда? — Сун Цзиньчэнь, казалось, действительно заинтересовался. Он протянул руку, чтобы Чу Юй пошёл с ним наверх. — Тогда мне действительно стоит с ним познакомиться, возможно, мы найдём общий язык.

Чу Юй машинально взял его руку и пошёл за ним, продолжая болтать:

— Хорошо, в следующий раз, когда он приедет на каникулы, я его позову.

Чу Юй вышел из душа, свет в кабинете всё ещё горел — старый лис не сдвинулся с места. Он глубоко вздохнул, расправил тонкую белую шёлковую ленту на шее, пара колокольчиков, свисавших в ямочках ключиц, «динь-линь» позвякивала пару раз, и он придержал их.

Он на цыпочках, босиком, крадучись, как кошка, вошёл внутрь.

Сун Цзиньчэнь обдумывал своё важное дело — то, что он планировал уже год, теперь нужно было ускорить, причина была в отчёте длиной в сотни страниц на экране перед ним. Услышав звон колокольчиков, он, не поднимая головы, сказал:

— Если хочешь со мной посидеть, не шуми.

Вдруг он распознал этот особый звон колокольчиков и поднял лицо. Чу Юй стоял на ковре перед письменным столом, одетый только в трусы и носки.

И ещё в те самые колокольчики.

— Иди сюда.

Чу Юй подбежал, колокольчики звенели с каждым шагом.

Сун Цзиньчэнь усадил его к себе на колени, поиграл с колокольчиками:

— Где нашёл?

— В шкафу, — Чу Юй беззаботно откинул голову. — Нравится? Только ленточка немного коротковата, если дёрнуть, то... — развяжется.

— Потому что она не для шеи, — шёлковая лента была легко развязана Сун Цзиньчэнем. Он похлопал Чу Юя по бедру:

— Садись на стол, я тебя научу.

Чу Юй поднялся, упёрся руками в стол и прыгнул на него. Та же обстановка, та же поза. Чу Юй вспомнил, как в прошлый раз его заставляли мастурбировать перед Сун Цзиньчэнем, и лицо медленно загорелось.

Его пенис был нежно извлечён наружу пальцами мужчины и свесился поверх трусов. Этой штукой он пользовался нечасто, она была нежного цвета, как губы. Сун Цзиньчэнь взял этот тонкий стержень тремя пальцами и начал скользить вверх-вниз. Чу Юй был чувствителен, и вскоре из-под светлой крайней плоти показалась головка, наполовину твёрдая, прилипшая к низу живота.

Сун Цзиньчэнь вытер пальцы о его бок, расправил шёлковую ленту и начал обматывать её вокруг, виток за витком, завязав красивый бант под основанием. Два колокольчика свисали там, где должны были быть яички, их густой золотой цвет очень хорошо сочетался.

<http://bllate.org/book/15448/1370488>